

УДК 930.1

А. В. Демидович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

**ВЗАИМООТНОШЕНИЕ РЕФОРМАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
И ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ
БЕЛАРУСИ (В ОСВЕЩЕНИИ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(НАЧАЛО XX В. — 1920-Х ГГ.))**

Введение. В либеральной российской и белорусской историографии второй половины XIX в. — 1917 гг. реформационное движение в Беларуси изучалось в контексте гуманистического движения эпохи Возрождения. Важным моментом в российской позитивистской исторической науке являлось рассмотрение реформационного движения в Беларуси через призму социально-экономической и культурной жизни общества. Историки-позитивисты выдвинули социально-экономический фактор одной из основных причин распространения Реформации в Беларуси. Главной заслугой российской позитивистской историографии в исследовании реформационного движения в Беларуси является отрицание концепции о приоритетной роли польского влияния и выдвижение на первый социально-экономического фактора. Исследователи обратили внимание на проблему взаимоотношения Реформации и Возрождения в Беларуси и рассмотрели реформационное движение в ракурсе историко-культурологического направления. Российские историки обратили внимание на специфическую взаимосвязь Реформации и Возрождения в Беларуси: с одной стороны, гуманистические идеи и представления готовили почву для реформационного движения, с другой — религиозный рационализм и просвещение способствовали распространению ренессансной культуры.

Основная часть. С точки зрения белорусской национальной концепции реформационное движение в Беларуси впервые было рассмотрено В. Ю. Ластовским. Реформация, по мнению исследователя, имела для

белорусского народа огромное просветительское значение и способствовала пробуждению национального самосознания. Характеризуя социальную сторону Реформации, историк отметил: «Реформация не превратилась в национальное дело, не породила белорусских Лютеров и Кальвинов, не спустилась в народные низы, не возбудила социальных вопросов и потому превратилась как бы в религиозную фронду, что и явилось причиной столь поспешного её поражения» [1, с. 102].

Такая позиция нашла своё продолжение в трудах М. В. Довнар-Запольского [2], В. М. Игнатовского [3], А. А. Савича [4], Н. А. Янчука [5] и др. Однако в белорусской исторической науке 20-х гг. XX в. реформационному движению не уделяли должного внимания, под влиянием марксистско-ленинских принципов и подходов социально-экономическая тематика заняла преобладающее положение среди исследовательских проблем.

В 1926 г. к 400-летию книгопечатания был издан специальный сборник, посвящённый деятельности Ф. Скорины и разработке коренных проблем гуманизма в белорусской литературе [6]. Центральное место в этом сборнике принадлежит статьям В. И. Пичеты, посвящённым культуре Беларуси эпохи Возрождения и Реформации, а также её виднейшим представителям. Историк связывал начало белорусского национально-культурного возрождения с именем Ф. Скорины, сравнивая его деятельность с творчеством итальянских гуманистов: «Если итальянское Возрождение ставит своей задачей и целью популяризовать научную мысль и освободить её от влияния схоластической, догматической, средневековой философии, поставить научное знание независимо от богословия, то эти же взгляды можно найти и во всех предисловиях Скорины к библейским текстам. Скорина выступает перед нами как поклонник просвещения, как сторонник разума и распределения научного знания среди широких народных масс. Поскольку Библия в то время была своего рода энциклопедией, как бы сокровищницей знаний, то естественно, что Скорина обратился к переводу Библии» [7, с. 718].

В литературной деятельности белорусского первопечатника учёный на первый план выделил национально-культурный аспект. Как считает исследователь, само время выбрало Ф. Скорину проводником и воплощением идей передовой части тогдашнего общества. В. И. Пичета рассматривает Ф. Скорину как основателя отечественного гуманизма и чётко определяет предназначение белорусского мыслителя в культурном развитии своего народа: «Скорина борется за право на культурное развитие родного ему народа. Освободить письменность от церковно-славянской речи и приблизить её язык к народному языку — вот ближайшая задача белорусского гуманиста. В этом Скорина идёт по стопам великих итальянских гуманистов — Данте, Петрарки и других гуманистов, которые в своих поэтических произведениях использовали язык своего народа. Народная масса — вот тот круг читателей, на который рассчитывали великие деятели итальянского Возрождения. Перевод Библию на “русский” язык, Скорина выполнял большое патриотическое дело. Он вводил Беларусь в семью славянских и европейских народов, он заявлял о праве белорусского народа на национально-культурное самоопределение» [8, с. 670].

По своим религиозно-мировоззренческим воззрениям, считал В. И. Пичета, Ф. Скорина скорее стоит на позициях гуситского движения, чем индивидуалистического мировоззрения Возрождения. В стремлении к «научению простых посполитых людей» путём распространения в среде народных масс книг Священного Писания как основного источника знаний учёный усматривает реформационные тенденции. Это дополняется тем обстоятельством, что белорусский просветитель для осуществления данной цели ставит перед собой задачу перевода библейских книг на народный язык, подобно деятелям Реформации. «Перевод Библию на “русский” язык Скорина разрывал с феодально-церковными традициями и открывал всем возможность чтения и индивидуального толкования книг Священного Писания. Это был уже принципиальный разрыв со средневековой церковной практикой. В этом отношении Скорина — человек Нового времени, порвавший с традициями Средневековья» [9].

Реформационный характер деятельности Ф. Скорины, по наблюдению В. И. Пичеты, отразился не только одним переводом текста Библии на национальный язык, просвещением общества и распространением «Слова божьего» простому народу, но и его рациональным философско-критическим мировоззрением. Отечественный гуманист дополнял переводы библейских книг собственными предисловиями, в которых продемонстрировал новаторские взгляды, характерные для гуманистов эпохи Возрождения. Для Ф. Скорины, по заключению белорусского историка, Святое Писание являлось источником всяких знаний, а его содержание представляло жизненную философию, которую гуманист хотел дать «простому народу». «В предисловиях Скорины отражается вся сущность его философского мировоззрения, которое даёт полное основание причислить его к гуманистам-просветителям. Переводы Скорины отнюдь не текстуальны. Скорина иногда отступает от библейского текста и дополняет его своими толкованиями. В этом сказался критический рационализм Скорины» [10].

Гуманистический оттенок итальянского Возрождения В. И. Пичета находит также и в морали белорусского первопечатника. Исследователь подчеркнул, что Ф. Скорина при составлении своих предисловий к библейским книгам не только пользовался толкованиями античных авторов, но и одновременно вставлял собственные комментарии и суждения, которые ярко и отчётливо характеризуют морально-нравственную личность отечественного гуманиста эпохи Возрождения. «Мораль Скорины — особого рода. Это не поучительная церковно-религиозная сентенция, свойственная средневековому феодальному миросозерцанию. Мораль Скорины — светская, гуманистическая. В основе её — уважение к человеческой личности вообще и любовь к “своему русскому посполитому народу”. Всё это даёт основание причислять Скорину к группе подлинных гуманистов, боровшихся за права человеческой личности и её просвещение, стремившихся к возрождению своего народа» [11].

Великая историческая заслуга Ф. Скорины, по утверждению учёного, заключалась в том, что первопечатник одним из первых обратился к народному языку как языку литературному, и поэтому он отнёс его к основоположникам литературного белорусского языка. В. И. Пичета причисляет Ф. Скорину к родоначальникам новой

литературной традиции, свойственной эпохе Возрождения. По мнению белорусского историка, перевод Ф. Скориной Библии на народный (старобелорусский) язык — это огромный вклад в историю белорусской литературы и развитие белорусской культуры в целом. Издания Ф. Скорины имели большое значение для своей эпохи, так как они получили широкое распространение не только на территории Великого Княжества Литовского, но и по всей Восточной Европе. «Великая историческая заслуга Скорины заключается именно в том, что он был основоположником литературного белорусского языка и стремился сделать “Слово Божье” доступным своему народу» [12].

Историк В. И. Пичета исследовал деятельность Ф. Скорины в ракурсе социально-экономических и культурно-религиозных отношений. Он согласился с положением, которое утвердилось в предшествующей дореволюционной историографии, об определённом влиянии на мировоззрение Ф. Скорины чешского национального движения и реформационных идей [13, с. 749]. Однако определяющим моментом деятельности Ф. Скорины в русле ренессансных гуманистических идей и представлений, по утверждению белорусского историка, и явились «глубокие внутренние изменения в социально-экономической жизни Беларуси и культурные сдвиги, происходившие в XVI в.» [14].

Реформационное движение В. И. Пичета рассматривал не только как религиозно-общественное, но и как национально-культурное. Основными причинами развития реформационного движения в Беларуси историк считал те же самые факторы, что и на Западе, — общий подъём производительных сил, стремление к секуляризации церковного имущества, желание освободиться от влияния церковной юрисдикции, создать независимую школу и национальную церковь, что обусловило политическую консолидацию общества и способствовало формированию национального самосознания [15]. Определяя общественный спектр Реформации, учёный указал на её шляхетский и городской характер, отметив, что раскол протестантского движения на отдельные направления носил социальный характер [16].

На особое место в деле распространения реформационных идей в Беларуси В. И. Пичета выдвигает личность С. Будного, считая его виднейшим представителем белорусского протестантского движения. Исследователь рассматривал всю религиозную и литературную деятельность С. Будного в тесной связи с его социально-политическими взглядами, что позволило прийти к совершенно новым выводам о деятельности белорусского реформатора. Белорусский историк отказался от установившегося мнения в предшествующей отечественной историографии о просветительской деятельности С. Будного на благо простого народа, поставил под сомнение причисление белорусского реформатора к гуманистам, продолжателям дела Ф. Скорины, а также с иной точки зрения подошёл к анализу его «Катехизиса». Как считал В. И. Пичета, «Катехизис» С. Будного являлся изложением протестантского учения в целях обращения «русского» народа в протестантизм. В этом, по мнению исследователя, заключалась просветительская деятельность для белорусского народа «врага православной и католической церквей» С. Будного [17].

Историк отмечал, что С. Будный интересовался протестантизмом не только с просветительской, но и с религиозно-догматической точки зрения. Как констатировал исследователь, сторонники Реформации признавали права национальных языков в церковном богослужении. Этим фактом, по мнению В. И. Пичеты, и следует объяснять появление «Катехизиса» С. Будного на белорусском языке. Как отмечал сам издатель, его книга предназначена читателям «языка русского» для того, чтобы «они не только в чужоземских языцех кохали, алебы ся тежь ващи розмиловати и оным ся бавити рачили», а также «абы вси слово Божия и истины разумения жаждущии мели чогабы ся и сами учили й деток своих научали» [18].

По мнению историка, белорусский реформатор, исходя из своих социально-политических убеждений, относился к умеренным социнианам, несмотря на то, что Кальвинистский собор 1564 г. признал его «еретиком». По убеждению исследователя, С. Будный стремился согласовать религиозные догматические основы социнианства с существующим социально-политическим строем современного ему общества. Такая позиция отечественного основателя протестантизма проявилась в том, что С. Будный не ставил под сомнение существование феодального права на земельную и иную собственность, не требовал отмены крепостного права и рабства в стране (лишь призывал власть имущих относиться к подданным и невольникам «богобоязненно»), не видел причины запрещать христианам пользоваться оружием и считал необходимым правом верующих принимать участие в войне. Следовательно, как считает учёный, С. Будный призывал единомышленников по вере идти на соглашение и компромисс со шляхетским государством [19].

Белорусский реформатор, как подчёркивал историк, критиковал в своём предисловии католическую и православную церковь, обвинял её в том, что она отдалилась от подлинного христианства, а её учителя не являются истинными, они не объясняют народу сущности христианской веры и довольствуются только одной ритуальной стороной религии: «тыи пак не только не научають, але и сами мало правды знают и оным, который бы учити хотели забраняють, не иначе, но, яко пред тым законники жидовские» [20]. В. И. Пичета акцентирует внимание на пафосное обращение С. Будного с призывом к народу: «Встани от сна, уже пора обачитися! Досить есмо вже спати, коли есмо за справою сих слепцов ни Бога знали, ни о спасении своем, на чим лежить, ведали» [21].

Таким образом, по убеждению исследователя, белорусский народ не откликнулся на агитацию реформационных деятелей по причине того, что они признавали существующие феодально-крепостные отношения, сформировавшиеся в современном им обществе.

Тем не менее, по заключению В. И. Пичеты, издание «Катехизиса» С. Будного имеет большое значение в развитии белорусского языка. «Язык “Катехизиса” С. Будного ближе к народному, чем переводы Ф. Скорины. В этом отношении “Катехизис” С. Будного “видное явление в истории белорусской культуры”» [22].

Изучая «западнорусское Возрождение», В. И. Пичета утверждал, что его индивидуалистический характер особенно отразился в распространении среди шляхты протестантизма, через посредничество которого в Беларусь проникала западноевропейская образованность, отражавшая на себе гуманистические идеи. Следовательно, он

рассматривал национально-культурное движение во взаимосвязи реформационных и гуманистических идей [23, с. 52]. Историк пришёл к выводу, что Возрождение и Реформация в Беларуси решительно выдвинули на первый план национально-культурную проблему [24, с. 156].

К ярким представителям национально-культурного возрождения Беларуси В. И. Пичета по праву относил В. Тяпинского — просветителя и продолжателя дела Ф. Скорины. Недостаточные библиографические данные не позволили белорусскому историку точно определить религиозную принадлежность В. Тяпинского. Тем не менее учёный склонялся в пользу его протестантского происхождения [25]. При этом В. И. Пичета подчёркивал большое уважение и предрасположение белорусского реформатора как к православным соотечественникам, так и к православной вере в целом. Белорусское происхождение В. Тяпинского не вызывало у исследователя никаких сомнений.

На основании высказываний С. Будного в его произведении «O przedniejszych wiery chrystyanskiej artykulach» В. И. Пичета относит В. Тяпинского к сторонникам умеренного социализма, близкого по социально-политическим взглядам к позиции С. Будного. В частности, историк отмечает: В. Тяпинский, так же, как и С. Будный, утверждает, что феодальное право собственности на землю, как и право христиан участвовать в войне, не противоречит основам евангельского учения [26].

Религиозное мировоззрение В. Тяпинского, по наблюдению В. И. Пичеты, в полной степени раскрывается в его «Предисловии» к Евангелию. В нём, как отмечает исследователь, представитель отечественной Реформации требует от духовенства и высшего сословия использовать денежные доходы с церковных «маетностей и имений» на образование, науку и просвещение, однако не таких «яко тепер на вечный свой встыд толко прочести и то ледво в своем языке не большъ учатсе» [27].

Следовательно, по заключению В. И. Пичеты, В. Тяпинский был истинным представителем отечественной радикальной Реформации и эпохи Возрождения. Патриотизм, защита простого народа, его языка, просвещение и служение своему народу — в этом и проявился общественный идеал и ренессансная составляющая отечественного гуманиста В. Тяпинского.

В предисловиях к переводу Евангелия, как отмечает В. И. Пичета, отечественный деятель Реформации раскрыл свои гуманистические взгляды и своё ренессансное мировоззрение. «Основная черта мировоззрения В. Тяпинского — это глубокая искренняя любовь к своему народу, это глубокий патриотизм. Издавая своё Евангелие на двух языках, Тяпинский имел в виду сделать Евангелие общеупотребительным, в частности в быту, с целью просвещения» [28].

Гуманистическая составляющая деятельности В. Тяпинского, по мнению В. И. Пичеты, проявляется, прежде всего, в его патриотизме. Это заметно в том, что белорусский гуманист высоко оценивает историческое значение православной веры и заслуги предков, их способности «довстоинность» и «умеетность» и хочет передать, рассказать об этом «народу своему русскому». Однако в современной ему реальности В. Тяпинский наблюдает общий культурный упадок и равнодушие к родному языку, в чём обвиняет высшее сословие, которое изменило традициям предков и отрёклось от своей национальности, оставив «человека бедного посполитого» в недостатке науки и образованности. Реформатор отмечает религиозную неразвитость простого народа и общее падение образованности православного духовенства, критикует низкий уровень системы образования и отказ от народного языка, вследствие чего «в польские, або иные писма за такую неволею немало и у себе и дети не без встыду своего, бы се одно поучили, немалого заправають» [29]. Поэтому, как констатирует историк, белорусский просветитель обращается к панам с призывом, чтобы они пришли на помощь народу и помогли выйти ему из такого состояния, требует от панов помощи в деле развития образования и просвещения, в первую очередь при посредстве распространения Святого Писания на «русском» языке.

Однако просветительские цели В. Тяпинского белорусский исследователь ставит выше сугубо религиозного просвещения С. Будного. По убеждению учёного, В. Тяпинский, издавая Евангелия на двух языках, ставит задачу просвещать не только протестантское, но и православное население. К тому же, по мнению В. И. Пичеты, В. Тяпинский не требует от народа понимания сущности религии, по его убеждению, изучение Евангелия должно привести читателя к «лепшему розсудку и ку умеетности» [30].

Заключение. Новым шагом в белорусской историографии 1917—1920-х гг. XX в. являлось рассмотрение реформационного движения с точки зрения белорусской национально-культурной концепции. Актуальные вопросы развития культуры Беларуси XVI в. белорусские исследователи изучали в контексте социально-экономического развития общества и непосредственной взаимосвязи реформационных и гуманистических идей эпохи Возрождения. Белорусские историки пришли к выводу о том, что ренессансная культура сформировалась на отечественной почве в результате постепенного социально-экономического и культурного развития страны.

Список цитируемых источников

1. Ластовский В. Ю. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926. 187 с.
2. Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2003. 680 с.
3. Ігнатоўскі В. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Минск, 1919. 167 с.
4. Савич А. А. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI—XVIII ст. Київ, 1929. 324 с.
5. Янчук Н. А. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры. Старадаўні перыяд. Мінск : Адраджэнне, 1922. 119 с.
6. Чатырохсотлеце беларускага друку (1525—1925). Мінск : Інбелкульт, 1926. 355 с.
7. Пичета В. И. Возрождение Украины-Руси и Белой Руси в XVI — начале XVII вв. // Белоруссия и Литва XV — XVI вв. / под ред. З. Ю. Копыцкого, В. Д. Королюка, Н. И. Улащика. М. : Изд-во АН СССР, Ин-т славяноведения. 1961. С. 715—730.
8. Пичета В. И. Культура Белоруссии в XVI—XVII вв. // Там же. С. 633—715.

9. Там же. С. 670.
10. Там же. С. 663.
11. Там же. С. 672.
12. Там же. С. 662.
13. Пичета В. И. *Scoriniana (1776—1926) // Белоруссия и Литва XV—XVI вв.* / под ред. З. Ю. Копысского, В. Д. Королюка, Н. И. Улащика. М.: Изд-во АН СССР, Ин-т славяноведения. 1961. С. 731—788.
14. Пичета В. И. *Культура Белоруссии в XVI—XVII вв.* С. 661.
15. Там же. С. 676.
16. Пичета В. И. *Возрождение Украины-Руси и Белой Руси в XVI — начале XVII вв.* С. 721.
17. Пичета В. И. *Культура Белоруссии в XVI—XVII вв.* С. 688.
18. Там же. С. 688.
19. Там же. С. 684.
20. Там же. С. 689.
21. Там же. С. 689.
22. Там же. С. 689.
23. Пичета В. И. *История белорусского народа.* Минск: Изд-во БГУ, 2003. 230 с.
24. Пічэта У. І. *Беларускае Адраджэнне ў XVI стагоддзі // Чатырохсотлетце беларускага друку: зб. навук. арт. / выд. АН БССР; пад навук. рэд. У. І. Пічэта.* Мінск, 1926. С. 132—156.
25. Пичета В. И. *Культура Белоруссии в XVI—XVII вв.* С. 691.
26. Там же. С. 697.
27. Там же. С. 695.
28. Там же. С. 693.
29. Там же. С. 695.
30. Там же. С. 697.

УДК 94(474.5)

М. М. Забаўскі

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка», Мінск

Л. В. Нікалаева

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі», Мінск

НАРАТЫЎНЫЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫ І ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў КАНЦЫ XIV — ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVI СТ.

Уводзіны. З атрыманнем Рэспублікай Беларусь дзяржаўнага суверэнітэту значна абудзілася цікавасць да разнастайных пытанняў нацыянальнай гісторыі. Асаблівую ўвагу даследчыкаў выклікалі аспекты існавання дзяржаўнасці на тэрыторыі Беларусі. Натуральная зацікаўленасць была выказана і да праблем гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (далей — ВКЛ), федэратыўнай поліэтнічнай дзяржавы, у стварэнні, існаванні і развіцці якой адну з асноўных роляў адыграў беларускі этнас, фарміраванне якога адбывалася ў яе межах. Вялікую папулярнасць атрымалі пытанні палітычнага жыцця ВКЛ, у тым ліку яго знешняй палітыкі. Таму зварот да праблематыкі знешняй палітыкі ВКЛ канца XIV — першай паловы XVI ст. нам падаецца актуальным, бо яна па-ранейшаму застаецца мала распрацаванай.

Асноўная частка. Цікавасць да стану крыніц па знешнепалітычнай праблематыцы таксама трэба прызнаць цалкам зразумелай і своечасовай. Гэта тлумачыцца не толькі натуральным імкненнем пазнаваць уласную мінуўшчыну, але і станам сучаснага крыніцазнаўства, у якім да нашага часу назапасілася дастатковая колькасць даследаванняў праблемы і, разам з тым, захоўваюцца пэўныя супярэчнасці і лакуны. Нягледзячы на тое, што здабыткі айчынай і замежнай гістарычнай навукі ў выданні і перавыданні крыніц па знешнепалітычнай гісторыі ВКЛ вызначанага перыяду з'яўляюцца досыць сціплымі, у архіўных сховішчах маецца дастатковая база крыніц па праблеме, здольная стаць самастойным аб'ектам даследавання.

Сярод апублікаваных крыніц, якія могуць выкарыстоўвацца пры даследаванні праблемы знешняй палітыкі ВКЛ канца XIV — першай паловы XVI ст., важную ролю маюць крыніцы наратыўнага характару (апаведальныя гістарычныя крыніцы). Сярод іх найбольш важнае значэнне займаюць гістарыка-літаратурныя апаведы з пагадовай формай выкладання матэрыялу — летапісы і хронікі, якія адрозніваюцца вялікай дэталёвасцю апісання падзей у адпаведнасці з пэўнай гістарычнай канцэпцыяй. Часта іх аўтары не проста рэгістравалі факты, але і імкнуліся даць ім уласную інтэрпрэтацыю. У наратыўных крыніцах нярэдка сустракаюцца фактычныя недакладнасці, а часам і наўмыснае скажэнне падзей, аднабокія меркаванні і адзнакі [1, с. 3—4]. Апошняе надае гэтым крыніцам пэўны элемент суб'ектыўнасці, што таксама трэба ўлічваць у ходзе працы з імі.

Як адзначаюць даследчыкі, характэрнай рысай летапісання на беларускіх землях у XV—XVI стст., па меншай меры да канца XV ст., з'яўляўся яго агульнадзяржаўны (агульнарускі) характар, імкненне вывесці гісторыю ВКЛ, асабліва «рускай» часткі яго зямель, ад Старажытнаруускай дзяржавы. Дадзеная з'ява непасрэдна была звязана з першапачатковымі поспехамі вялікіх князёў літоўскіх у ажыццяўленні «агульнаруускай» палітыкі па збіранні так званых рускіх зямель. Гэта давала і тлумачэнне наймення «літоўска-рускія летапісы» [2, с. 87]. Цяпер найбольш пашырана назва «беларуска-літоўскія летапісы», прапанаваная ў свой час М. М. Улашчыкам і трапіўшая на старонкі энцыклапедыі [3]. У апошні час намяццалася тэндэнцыя да ўвядзення назвы «беларускія летапісы» [4, с. 192—193].